

III. КРИТИКА БОЛЬШЕВИСТСКОЙ АНТИВОЕННОЙ ПЛАТФОРМЫ В 1917—1918 ГОДАХ И УСЛОВИЙ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРЕСТСКОГО МИРА. ПРЕКРАЩЕНИЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ «ЕДИНСТВА»

Основной мишенью для наиболее острых критических стрел плехановской публицистики 1917—1918 гг. была всё же политическая деятельность В. Ленина в целом и большевистская антивоенная платформа в частности. «Апрельские тезисы» и то, что Ленин говорил и писал позднее, Плеханов неоднократно характеризовал, как бред. «Бред, только бакунинский бред, способный находить отклик лишь в очень невежественной среде», — сказал он однажды Н. Валентинову в августе 1917 г. по поводу произведений большевистского вождя. Очень характерно и название статьи из №№ 9—11 «Единства» от 9—12 апреля, посвящённой анализу со державших «Апрельские тезисы» ленинских речей, — «О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает подчас интересен».

Отнеся в ней лидера большевиков к числу людей, никогда не обладавших сильной логикой и не желавших разобраться, на кого падает ответственность за развязывание мирового конфликта, Г. Плеханов упрекал Ленина за то, что указав на грабительский и империалистский характер войны со стороны революционной России, он совершенно умолчал об её характере со стороны Германии. Из этого логично было бы сделать вывод, считал Георгий Валентинович, что последняя рисковала в 1917 г. быть ограбленной Россией и что поэтому российскому пролетариату не было никакой надобности деятельно участвовать в этой империалистической затее. Такую логику Плеханов, убеждённый, что виновниками Первой мировой войны являлись именно Германия и её союзники, называл логикой человека, находящегося в психическом состоянии, которое герой гоголевских «Записок титулярного советника Авксентия Ивановича Поголевы» охарактеризовал следующей своей пометой: «Числа не помню. Месяца тоже не было. Было чёрт знает что такое». Политика империализма образца начала XX века, полагал лидер «Единства», являлась продуктом стран, достигших наивысшей ступени капиталистического способа производства. Россия же, утверждал он, «не принадлежит к числу таких стран. Мы все знаем, что... её трудящееся население страдает не только от капитализма, но также и от недостаточного развития капитализма. Стало быть, русский капитал никак не может выступить в роли наиболее... опасного для других народов представителя империалистической политики. А если он не способен выступить в такой роли, то нелепо считать его главным виновником нынешнего международного столкнове-

ния». Заключавшиеся в «Апрельских тезисах» призывы Г. Плеханов характеризовал также как *«безумную и крайне вредную попытку посеять анархическую смуту на Русской Земле»*².

К подобным попыткам Георгий Валентинович относил и утверждение Ленина, что на революционную войну с внешним врагом сознательные рабочие могут дать согласие лишь при условии перехода государственной власти в России в руки пролетариата и беднейших слоёв крестьянства. «Марксизмом тут, разумеется, не пахнет, — писал по этому поводу Плеханов, — как вообще не пахнет им в рассуждениях людей, не считающихся с условиями времени и места»³. Немного пояснил свою мысль лидер «Единства» спустя несколько дней в открытом письме «К студентам» (№ 16 «Единства» от 17 апреля 1917 г.), направленном им в адрес Артели социалистического студенчества в ответ на её приглашение участвовать в первомайском митинге. Социалистическая революция, говорилось в письме, предполагает долгую просветительную и организационную работу в недрах рабочего класса. «Об этом забывают у нас теперь люди, зовущие русскую трудящуюся массу к захвату политической власти, который мог бы иметь смысл только в том случае, если бы находились в наличности объективные условия, необходимые для социальной революции, — писал Плеханов. — Этих условий пока ещё нет...». В связи с этим задачу левых партий в России он видел в систематическом упрочении позиций, добытых Февральской революцией, а для решения этой задачи, по убеждению Георгия Валентиновича, «они должны не низвергнуть Временное Правительство, как этого хотели бы некоторые политические фанатики, а дружно поддерживать его»⁴.

Более подробно взгляды Г. Плеханова и его единомышленников на немедленный захват пролетариатом политической власти и осуществление в России социалистической революции были изложены летом 1917 г., по горячим следам беспорядков 3—5 июля в Петрограде, участники которых выдвигали лозунги необходимости немедленного свержения Временного правительства и передачи всей власти в руки Советов. В частности, в статье «Соглашение нужно и возможно» лидер «Единства» утверждал, что в тот момент правительство России пока ещё не могло быть исключительно социалистическим и не должно было быть таковым. Социалистическое правительство, говорилось в ней, оказалось бы весьма неустойчивым, просуществовало очень недолго и его падение было бы победой контрреволюции, которая больше всего вреда принесла бы пролетариату⁵. Делегаты же Совещания организации «Единство», состоявшегося 20—24 июля, в соответствующей резолюции высказались решительно против лозунга «Вся власть Советам!», осуществление которого, по их мнению, «было бы несомненно торжеством тактики Ленина и повлекло бы за собой полное крушение революции и такое поражение борющегося рабочего класса, от которого он долго не смог бы оправиться»⁶.

Что же касается непосредственно петроградских событий 3—5 июля, то отклик на них Плеханова был крайне резким, поскольку происходили они на фоне неудач нашей армии в её наступлении на Юго-Западном фронте. «Проклятие тем, которые начинают гражданскую войну в эту тяжёлую для России годину!»⁷, — восклицал он в статье «Как же быть?» из № 81 «Единства» от 5 июля. Георгий Валентинович утверждал, что зачинщики антиправительственных волнений, коими он считал ленинцев⁸, совершили смертный грех против российской революции и всемирной демократии, ослабив дело национальной самозащиты страны. «Кто мешает делу спасения родины, — писал он в статье «Новое министерство» от 9 июля, — тот без малейшего сомнения является союзником внешнего врага»⁹. Плеханов настойчиво требовал применить силу к организаторам беспорядков¹⁰ и очень жалел впоследствии, что «мягкотелое» Временное правительство не смогло тогда арестовать Ленина¹¹.

11 июля в № 86 «Единства» была опубликована статья «Историческая справка», в которой Георгий Валентинович, подводя итог своим размышлениям о виновности лидера большевиков в организации указанных волнений, обвинял его во всех смертных для социал-демократа грехах — в отступлении от марксизма, заговорщичестве и увлечении анархизмом. Не имея ничего общего со взглядами Маркса и Энгельса, говорилось в статье, «Ленин происходит отчасти от Бланки и состоит... в более или менее близком родстве с Бакуниным». Плеханов считал, что большевистский вождь, равнодушный к судьбам своей страны и давно стремившийся стать диктатором, принёс России «слишком много жестокого» и «быть может, совершенно непоправимого вреда». Вывод Георгия Валентиновича заключался в том, что «волею или неволею, сознательно или бессознательно», Ленин «служит германскому империализму»¹².

На заданный же Н. Валентиновым в августе 1917 г. прямой вопрос, получал ли Ленин деньги от немцев, Плеханов не смог сказать ничего определённого¹³. А 10 и 14 сентября, давая в Царском Селе свидетельские показания на допросе по делу о вооружённом выступлении 3—5 июля в Петрограде, он заявил, что Ленин «для интересов своей партии мог воспользоваться средствами, заведомо для него идущими из Германии». Однако при этом Г. Плеханов исключал «всякую мысль о каких-либо личных корыстных намерениях Ленина». «Я убеждён, — говорил он, — что даже самые предосудительные и преступные, с точки зрения закона, действия совершались им ради торжества его тактики»¹⁴.

Формально обвинения большевиков в организации ими волнений 3—5 июля были закреплены в резолюции «О большевиках-ленинцах» июльского Совещания делегатов «Единства». Большевистская организация, говорилось в документе, всей своей деятельностью за время революции поставила себя вне социал-демократии, как классовой партии пролетариата, стоящей на почве научного социализма и принципов социали-

стического Интернационала, и скатилась к самому вульгарному анархо-синдикализму. «Практическая же её деятельность, — утверждалось в резолюции, — свелась к проповеди захватов и погромов, к расстройству вооружённых сил, обороняющих страну, и вообще к вредной для всего народа и для пролетариата в особенности дезорганизации общественных сил России. Результаты этой деятельности сказались во внутренней смуте, расстройстве наступления и в предательском бегстве солдат от врага на фронте»¹⁵.

Эти серьёзные обвинения «единцев» в адрес большевиков и их лидера были ещё не самыми тяжкими. В июле 1917 г. Г. Алексинский принял самое непосредственное участие в раздувании шпионских страстей вокруг личности большевистского вождя. Ещё до начала июньского наступления нашей армии он писал, что В. Ленин и прочие скатившиеся к вульгарному анархизму «пораженцы» эксплуатируют у российских солдат «эгоистические чувства усталости, трусости, жадности, пренебрежения к интересам целого во имя шкурных побуждений». «Всякий, кто хочет уклониться от выполнения своего воинского и гражданского долга, находит в лозунгах Ленина великолепный предлог и оправдание своего малодушия или своей бессовестности. Вот почему, — подчёркивал Алексинский, — ...не будет преувеличением сказать, что ленинство есть глубоко противообщественное и реакционное явление»¹⁶. Продолжив же крупномасштабное наступление на лидера большевиков, вечером 4 июля на специально созванной пресс-конференции Г. Алексинский и правый эсер Василий Панкратов заявили Петроградскому комитету журналистов, что Ленин — это немецкий шпион.

Надо сказать, что обвинение большевистского вождя в том, что он являлся германским агентом, не было чем-то новым. Правая печать открыто высказывала это обвинение со времени его возвращения в Россию в «пломбированном» вагоне. Временное правительство же начало расследовать возможность существования тайного сговора большевиков с военными властями Германии во второй половине апреля после того, как прибывший в Россию французский министр военного снабжения Альбер Тома передал министру-председателю Георгию Львову информацию о связях большевиков во главе с Лениным с немецкими агентами. После этого глава Временного правительства, с согласия Тома, поручил министрам Керенскому, Некрасову и Терещенко всячески содействовать такому расследованию¹⁷.

К тому же 16 мая 1917 г. назвавший себя германским агентом уряд-прапорщик Д. Ермоленко на допросе в штабе Верховного главнокомандующего показал, что Ленин является одним из многих действующих в России немецких агентов, которому поручено всеми силами стремиться «подорвать доверие русского народа к Временному правительству»¹⁸. Основные усилия на фабрикации дела против большевиков направила Спе-

циальная служба контрразведки при Петроградском военном округе. При поддержке министра юстиции П. Переверзева она прослушивала, например, телефонные разговоры руководителей партии и держала их под наблюдением¹⁹.

В дни волнений 3—5 июля в Петрограде официальное расследование немецких связей Ленина не было ещё закончено. Однако поскольку правительство находилось на грани падения, сотрудники службы контрразведки составили план немедленного использования уже собранных по делу обвинительных материалов для убеждения сохранявших нейтралитет частей столичного гарнизона не только в получении большевиками денег от немцев, но и в том, что уличные демонстрации в Петрограде также направлялись из Германии. После одобрения этого плана Переверзевым, с санкции военного и морского министра Керенского, вечером 4 июля служба контрразведки пригласила представителей нескольких полков гарнизона в Генеральный штаб и вкратце ознакомила их с «делом Ленина». Присутствовавших солдат разоблачительные материалы буквально шокировали. В час ночи 5 июля полки, ранее сохранявшие нейтралитет в ходе волнений, направились к Таврическому дворцу для выражения поддержки руководству Советов и Временному правительству. Той же ночью по приказу командующего войсками Петроградского военного округа П. Половцева юнкерами была разгромлена редакция большевистской «Правды».

Тем временем несанкционированная правительством акция Переверзева вызвала также возмущение у Николая Некрасова и Михаила Терещенко. Ходил даже слух, что Некрасов вызывал министра юстиции на дуэль. Дело в том, что расследовавшие связи Ленина с немцами министры, будучи вполне уверенными в дни июльских волнений в получении большевиками денег из Германии, в то же время считали, что имевшиеся в их распоряжении факты против Ленина недостаточны и преждевременное их разглашение лишит следствие всякой возможности подкрепить обвинение. В результате 5 июля Переверзев вынужден был уйти в отставку. Обосновывая несколько дней спустя своё решение, в письме редактору «Биржевых ведомостей» он разъяснял: «Я сознавал, что сообщение этих сведений должно было создать в сердцах гарнизона такое настроение, при котором всякий нейтралитет станет невозможным. Мне предстояло делать выбор между предполагавшимся (когда неизвестно) окончательным выяснением всех корней и нитей грандиозного преступления и немедленным и верным подавлением мятежа, грозившего ниспровержением власти»²⁰. Следует признать, что риск Павла Переверзева, поплатившегося за этот демарш своим министерским портфелем, в тревожной атмосфере антиправительственных волнений, оказался полностью оправданным. Власть Временного правительства была временно спасена.

Что же касается дальнейших действий сотрудников контрразведки, то, воодушевлённые произведённым на представителей полков гарнизона эффектом, они решили часть собранных фактов немедленно передать в печать. А поскольку руководство контрразведки опасалось, что обвинительный материал против Ленина, исходящий непосредственно из правительственного ведомства, может вызвать недоверие, оно спешно уговорило двух социалистов — бывшего большевика Г. Алексинского и бывшего народовольца и многолетнего узника Шлиссельбургской крепости В. Панкрата выступить с соответствующим заявлением. Следует подчеркнуть, что Алексинский и Панкратов совершенно сознательно шли на оглашение переданных им контрразведкой данных, будучи убеждёнными в необходимости этого шага в интересах государства²¹.

Однако тем же вечером 4 июля Г. Львов, хорошо знавший о недостаточной обоснованности собранных против Ленина материалов, лично обратился во все газеты с просьбой снять их с публикации. Так же поступил и председатель ЦИК Советов Н. Чхеидзе, который, по просьбе своего земляка И. Сталина, в ночь с 4 на 5 июля по телефону от своего и И. Церетели имени предложил редакциям газет воздержаться от напечатания порочащих большевиков материалов. Но, несмотря на эти усилия, «Живое слово», по определению В. Ленина, «жёлтая, низкопробная, грязная газетка»²², увидевшая в попытках Львова и других задержать сенсационный материал доказательство участия в нечестивом заговоре с целью продать Россию врагу представителей высших эшелонов правительственной и советской власти, полностью опубликовала информацию Алексинского-Панкрата в утреннем выпуске 5 июля во всю ширину первой полосы под броским заголовком: «Ленин, Ганецкий и Козловский — немецкие шпионы!»²³.

В середине дня 5 июля Петроград гудел от слухов, что Ленин — провокатор. Заявление Алексинского и Панкрата было немедленно отпечатано на листовках и через несколько часов их начали раздавать на всех перекрёстках города. На следующий день многие столичные газеты комментировали эти обвинения уже как установленный факт и откровенно состязались друг с другом в том, кто искуснее напишет о предательстве большевиков. К кампании против большевиков присоединился также известнейший борец с агентами охранки В. Бурцев. 7 июля в нескольких петроградских газетах было опубликовано его открытое письмо, где он отмечал: «Среди большевиков всегда играли и теперь продолжают играть огромную роль и провокаторы, и немецкие агенты. О тех лидерах большевиков, по поводу которых нас спрашивают, не провокаторы ли они, мы можем ответить: они не провокаторы... (Но) благодаря именно им: Ленину, Зиновьеву, Троцкому и т. д. в те проклятые чёрные дни 3, 4 и 5 июля Вильгельм II достиг всего, о чём только мечтал... За эти дни Ленин с товарищами обошлись нам не меньше огромной чумы или холеры»²⁴.

Между тем Г. Алексинский решил не останавливаться на уже достигнутом. 13 июля вместе с «остроумным, талантливым, молодым беллетристом» Л. Добронравовым он выпустил первый номер еженедельника «Без лишних слов», где были помещены материалы о сотрудничестве Ленина с германским Генштабом²⁵. Во втором номере большевики были названы им главными виновниками провала начавшегося 18 июня наступления российской армии. Под большевистские знамёна «собралось всё худшее, всё враждебное России», — писал Григорий Алексеевич. — И, наконец, измена свила себе гнездо в этой чёрной среде. Им нет прощения...»²⁶

Однако этому журналу не суждено было долго существовать. После появления первых его номеров Р. Плеханова имела продолжительный разговор с Т. Алексинской, в котором просила её уговорить своего мужа добровольно прекратить издание «Без лишних слов», поскольку резкий тон еженедельника, взятый в том числе и в отношении руководства ЦИК Советов, мог повредить тогда Г. Плеханову, получившему 22 июля от Керенского приглашение войти в правительство в качестве министра торговли и промышленности. Г. Алексинскому этот разговор был передан и, не желая мешать Плеханову, он решил прекратить издание журнала и не выпускать его 4-го номера²⁷.

Какие же меры, реагируя на заявление Алексинского-Панкратова, предприняли в отношении большевиков революционные власти Петрограда и как вели себя в обстановке открывшейся политической травли большевистские вожди? 5 июля В. Ленин и Г. Зиновьев вынуждены были перейти на нелегальное положение, избежав таким образом неминуемого ареста. Неминуемого потому, что 7 июля было опубликовано постановление правительства об аресте и предании суду за государственную измену Ленина, Зиновьева и Каменева. Считая предъявленные обвинения «гнусной клеветой»²⁸, Лев Каменев 9 июля добровольно отдал себя в руки властей и был водворён в тюрьму «Кресты». Такой же путь по его стопам 23 июля проделали лидеры «межрайонцев» Л. Троцкий и А. Луначарский, также обвинённые в государственной измене. Правда, уже 4 августа за недоказанностью обвинений власти были вынуждены освободить Каменева, 8 августа — Луначарского и, наконец, 2 сентября, после провала корниловского мятежа, вместе с другими большевиками, арестованными в июльские дни, был освобождён под залог и новоиспечённый член большевистского ЦК Троцкий.

Предъявленные сфабрикованные обвинения в шпионстве и получении денег от немцев лидеры большевиков называли вздорной и гнусной клеветой, нелепой и глупой ложью²⁹. Признавая, во-первых, принципиальную обоснованность праведного гнева большевистских вождей по поводу не совсем справедливых обвинений в их адрес, хотелось бы сказать несколько слов в защиту и определённое оправдание поступка Г. Алек-

синского, поведение которого в этой истории до сих пор почему-то оценивается только с одной, отрицательной, стороны.

Да, действительно, обвинять Ленина в шпионаже в пользу Германии, — значило сознательно грешить против исторической истины. В современной исторической науке это — давно установленный и признанный факт. Однако когда в литературе обсуждается ныне окончательно неразрешённая ещё проблема «Большевики и немецкое золото», традиционно говорится, что в любом случае, получал Ленин деньги из Германии или нет, они не сыграли в конечном итоге решающего для судеб революции значения³⁰. Признавая полное право на существование такого решения указанной проблемы, зададимся вопросом: а почему тогда нельзя сказать то же самое в оправдание необоснованных обвинений Алексинского, которые, в конечном счёте, также не имели решающего значения для судеб Октябрьской революции и не повредили реализации внутривнутриполитических планов вождя большевиков? Думается, что для этого есть все необходимые основания.

Во-вторых, желающие очистить имя Ленина от подозрений в тайном преступном сговоре с Германией, по-видимому, справедливо утверждают, что даже если немецкие деньги и сыграли свою роль в материальном обеспечении успеха большевиков, то лично Ленин не принимал участия в получении этих пожертвований, то есть не был замечен в преследовании каких-либо корыстных целей. Те же, кто, как американский историк Р. Томпкинс, напротив, убеждён, что В. Ленин не мог не знать о немецкой интриге и никогда не испытывал никаких угрызений совести по этому поводу, всегда подчёркивают, что лидер большевиков использовал их исключительно в интересах российской и мировой революции³¹.

В связи с этим снова возникает вопрос: а разве Г. Алексинским в истории с выдвиганием им антибольшевистских обвинений двигали какие-либо корыстные побуждения? Конечно, нет. Его поступок был вызван исключительно заботой об интересах государства, о сохранении завоеваний Февральской революции и достойном выходе России из войны. При этом нельзя забывать, что у оборонца Алексинского было достаточно оснований резко критиковать антивоенную платформу большевиков, поскольку их тактика, ослаблявшая боеспособность российской армии, хотел этого Ленин или не хотел, была очень выгодна Германии.

И, наконец, в-третьих, в современной исторической литературе до сих пор отмечается, как нехорошо, не располагая реальными фактами, подменять их сомнительными предположениями, опускаясь тем самым до уровня Алексинского³². Да, подобные манипуляции с фактами действительно не являются примером для подражания. Да, Г. Алексинский не славился в революционных кругах особой разборчивостью при выборе средств политической борьбы. Его соратники отмечали страсть Алексинского к скандалам и интригам, непомерно развитое честолюбие, полити-

ческую неуравновешенность и беспринципность в личной борьбе. Например, зная Григория Алексеевича по группе «Вперёд» П. Лебедев-Полянский считал его неотъемлемыми доспехами помой, пожарную кухню и швабру, а А. Луначарский называл Алексинского «цензором нравов и самозванным прокурором от марксизма»³³.

Критикуя Г. Алексинского, нельзя ни на минуту забывать, что в ходе июльских событий 1917 г. он вступил в борьбу также далеко не с ангелом во плоти. Алексинскому не могут простить лжи в адрес Ленина по поводу его германского шпионства. Но ведь лидер большевиков тоже лгал, когда называл Г. Алексинского шовинистом и контрреволюционером, хотя ни тем, ни другим тот не являлся. Соперники были достойны друг друга. Хорошо известно, что Ленин в ходе своей многолетней политической деятельности также не раз следовал по стопам Макиавелли, используя сомнительные средства для достижения великой, с его точки зрения, цели. И за это вождю большевиков многое прощается. В таком случае и деятельность Г. Алексинского не следует рассматривать односторонне, только в плане критики некоторых его жестких приемов ведения политической борьбы. Соблюдая принцип объективности, больше внимания нужно уделять осознанию тех целей, которые Алексинский преследовал, принимая участие в раздувании в июле 1917 г. шпионских страстей вокруг Ленина. А цели эти были, в его понимании, по крайней мере, ничуть не менее великими и светлыми, чем те, к достижению которых стремился лидер большевиков. Если бы Алексинский достиг их летом 1917 г., как знать, какими путями пошла бы дальше история нашей многострадальной страны. Может быть, например, октябрь 1917 г. прошёл для России значительно спокойнее и не имел бы таких разрушительных последствий. Но, к сожалению, этого не произошло.

События октября 1917 г. в Петрограде не порадовали Г. Плеханова. Напротив, они его очень огорчили. Огорчили «не потому, — признавался он в опубликованном в № 173 «Единства» от 28 октября «Открытом письме к петроградским рабочим», — что я не хотел бы торжества рабочего класса, а наоборот, потому что я призываю его всеми силами души и вместе с тем вижу, как далеко отодвигают его названные события». Плеханов был убежден, что российский пролетариат не мог тогда ещё с пользой для себя и для страны взять в свои руки всю полноту политической власти. «Навязать ему такую власть, значит, толкать его на путь величайшего исторического несчастья, которое бы было в то же время величайшим несчастьем и для всей России, — отмечал он. — В населении нашего государства пролетариат составляет не большинство, а меньшинство. А между тем он мог бы с успехом практиковать диктатуру только в том случае, если бы составлял большинство». К предположению, что рабочий класс может рассчитывать при этом на поддержку крестьянства, Георгий Валентинович относился более чем скептически. Крестьянству нужна

земля, подчёркивал он, в замене капиталистического строя социалистическим оно не нуждается. Более того, хозяйственная деятельность крестьян, в руки которых перейдёт помещичья земля, будет направлена, по убеждению Г. Плеханова, не в сторону социализма, а в сторону капитализма. По этой причине лидер «Единства» не склонен был включать крестьян в число надёжных союзников рабочих в деле устройства социалистического способа производства³⁴.

Огорчение Плеханова в связи с октябрьскими событиями в Петрограде было вызвано, среди прочего, и их возможным влиянием на неблагоприятный исход для России мировой войны. Надежды на то, что революционный почин российского пролетариата в скором времени будет подхвачен его немецкими коллегами, он считал огромной ошибкой. Не сомневаясь в том, что социальная революция «ближе у немцев, чем у русских», руководитель «Единства» в то же время подчёркивал, что «и у немцев она ещё не является вопросом нынешнего дня». Война же ещё более уменьшила шансы социальной революции в Германии, «благодаря тому печальному обстоятельству, что большинство немецкого пролетариата с Шейдеманом во главе стало поддерживать германских империалистов, — писал Георгий Валентинович. — В настоящее время в Германии нет надежды не только на «социальную», но и на политическую революцию». Кроме этого, дело российского пролетариата по социалистическому переустройству общества, отмечал Плеханов, не может также закончить «ни француз, ни англичанин, ни житель Соединённых Штатов. Несвоевременно захватив политическую власть, русский пролетариат не совершит социальной революции, а только вызовет гражданскую войну, которая, в конце концов, заставит его отступить далеко назад от позиций, завоёванных в феврале и марте нынешнего года»³⁵. Пожалуй, излишне говорить здесь о том, что история первых лет советской власти в стране подтвердила опасения отца российского марксизма относительно начала вслед за октябрьским переворотом гражданской войны, а также её последствий. Когда «Открытое письмо к петроградским рабочим» было опубликовано в «Единстве», эта война продолжалась уже несколько дней.

Не ошибся Плеханов и в том, к чему приведёт сепаратный выход России из войны путём немедленного опубликования Декрета о мире и начала мирных переговоров с немцами. Чтобы германский император послушался этого декрета, подчёркивал Георгий Валентинович, «надо, чтобы мы оказались сильнее его, а так как сила на его стороне, то «декретируя» мир, мы тем самым декретируем его победу, то есть победу германского империализма над... трудящимся населением России»³⁶. Как известно, уже через четыре с небольшим месяца после написания лидером «Единства» «Открытого письма к петроградским рабочим» эта победа Германии была оформлена подписанием Брест-Литовского мирного договора.

31 октября квартира Плехановых в Царском Селе, снятая Розалией Марковной в мае 1917 г., была подвергнута грубому, бесцеремонному обыску, во время которого Георгий Валентинович едва не был убит одним из искавших оружие матросов. Опасения за жизнь мужа, многократно усилившиеся после зверского убийства анархистствующими матросами в ночь на 7 января 1918 г. находившихся в Мариинской тюремной больнице Петрограда бывших членов Временного правительства Ф. Кокошкина и А. Шингарёва, заставили Р. Плеханову в конце января перевезти мужа из французской больницы Марии Магдалины на Васильевском острове Петрограда, где он находился с начала ноября 1917 г., в предназначенный для лёгочных больных санаторий, расположенный на территории Финляндии в местечке Питкеярви около Териок (сейчас бывшие Териоки — это город Зеленогорск Ленинградской области).

Розалии Марковне стоило больших усилий уговорить мужа на поездку в Финляндию. Бросать Россию в такой тяжёлый, критический для неё момент казалось Плеханову дезертирством. На отъезд он согласился только после обещания, что соратники будут держать его в курсе событий и деятельности группы «Единство», будут привозить на просмотр статьи и брать его работы, примерно два раза в неделю устраивать у него совещания редакции газеты «Единство», словом, он не будет оторван от расположенного в часе езды от Териок Петрограда. Тогда было сложно предусмотреть, что вскоре из-за обострения гражданской войны в Финляндии и в связи с поворотом в советско-германских отношениях накануне заключения Брестского мира, граница закроется и сообщение между Териоками и Петроградом прервётся. Таким образом, именно в Питкеярви, будучи фактически отрезанным от Родины и оторванным от своих соратников по «Единству», прикованный болезнью к постели и неспособный уже что-либо писать, Плеханов провёл последние месяцы своей жизни.

Несмотря на тяжёлую болезнь, привыкший к ежедневному интенсивному интеллектуальному труду Г. Плеханов начал по приезде в санаторий вновь просматривать материалы для очередного тома «Истории русской общественной мысли», делал выписки. Однако работа его часто прерывалась тревожным ожиданием сведений из Брест-Литовска, где большевики вели переговоры с Германией с целью заключения сепаратного мира. Слушая и читая о перипетиях этих переговоров, Георгий Валентинович очень страдал, видя, как топчутся в грязь имя и жизненные интересы Родины³⁷.

Пресловутая формула Троцкого — «войну прекращаем, но мира не подписываем» — вызвала со стороны Плеханова строгий отзыв. «Эта формула, — сказал он, — рассчитана с одной стороны (второй своей частью) на фантастов, а с другой (первой своей частью) на деморализацию солдат. Деморализация — это есть основа власти большевиков». Когда же большевики приняли, наконец, все грабительские условия немцев, Г. Пле-

ханов с горечью заметил: «Ленин всю Россию отдаст, лишь бы оставили ему маленький клочок земли, хотя московский уезд, для социалистического опыта. Ленина можно уподобить тем московским князьям, которые ползали на брюхе перед татарскими ханами, желая удержать за собой свои княжества. Ленин, также цепляясь за власть, ползает на брюхе перед Вильгельмом»³⁸.

Брестский мир Георгий Валентинович считал позорным и гибельным для России. Однако по присущей ему дальновидности, не оставлявшей его в самые тяжёлые моменты его болезни, он возлагал надежды на предполагавшуюся им победу Антанты благодаря присоединению Соединённых Штатов к борьбе с Германией. «В этом случае, — говорил он, — не всё ещё будет потеряно для России, хотя факт измены союзникам останется навсегда позорным»³⁹.

Глубоко опечалило Г. Плеханова и унижение перед немцами Украины. Когда после большевистского переворота в Петрограде, сделавшись пунктом концентрации местных и спасавшихся из Великороссии демократических сил, Украина, руководствуясь идеей председателя Центральной рады Михаила Грушевского, решила созвать Учредительное собрание, у Плеханова появилась надежда, что Киев — мать городов русских — сделается опять ядром, вокруг которого сгруппируется вся Россия. Великороссию Георгий Валентинович не мыслил отделившейся от Малороссии. Для него это были две части одной России, он горячо любил каждую из них в отдельности так же, как и целое. Когда же представители правительства украинского эсера Всеволода Голубовича подписали 9 февраля 1918 г. Брестский мирный договор, по которому почти вся территория Украины была занята австро-германскими войсками, Плеханов был глубоко огорчён, видя в этом конец своей страны как целого. «Разложение это поведёт к потере нашей экономической самостоятельности, — говорил он по этому поводу. — Русская земля превратится в колонию для немцев и других государств. Брест-Литовский мир и социалистический опыт Ленина отбросит нас на много десятков лет назад. Мы не вынесем экономического разорения и нас возьмёт Европа под опеку, как взяла она Китай. Мы погибам, как погибли раньше нас восточные деспотии»⁴⁰.

Мучительные переживания за судьбу в очередной раз униженной и оскорблённой Родины ускорили кончину Г. Плеханова. Его сердце не выдержало унижений России и Украины в Брест-Литовске. Они мучили его и тогда, когда он находился ещё в полном сознании, и тогда, когда он бредил в последние часы своей жизни⁴¹. «Война, перипетии которой Плеханов переживал болезненно-страстно, раскол Интернационала и одиночество внутри созданной им партии, — писал В. Левицкий, — всё это не менее, чем чахотка, сократило жизнь Георгия Валентиновича на несколько лет»⁴².

Своё мнение относительно причин ухода из жизни своего супруга высказала и Р. Плеханова. Главной непосредственной причиной, «преждевременно отнявшей у нас и родины Георгия Валентиновича, было ослабление сердечной деятельности, вызванное отсутствием морального и физического покоя, — считала она. — Предсмертный удар был нанесён Плеханову явившимися к нам в Царском Селе матросами и красногвардейцами и вынудившими нас покинуть наше жилище, хорошо приспособленное к лечению моего больного мужа. Переезд в Финляндию, вынужденный безумной оргией террора, нанёс ему окончательный, последний удар». Соглашалась Розалия Марковна и с утверждениями соратников Плеханова о том, что его убили большевики. Соглашалась с прискорбием, так как «орудием к этому убийству явились те самые рабочие, тот самый народ, которому он отдал свою жизнь и который он глубоко и нежно любил»⁴³.

И, наконец, завершая повествование, необходимо ещё сказать несколько слов о последнем периоде деятельности «единцев», оставшихся в начале 1918 г. без своего лидера, но старавшихся не опускать в связи с этим рук и пытавшихся, несмотря на чинимые со стороны новых властей препятствия, ещё некоторое время отстаивать свои взгляды. Так, например, в одном из последних номеров «Нашего единства» от 17 января 1918 г. очень нелестных характеристик было удостоено большевистско-левоэсеровское большинство состоявшегося 10—18 января в Петрограде Третьего Всероссийского съезда Советов, названное «безгласной кликой ленинских потакателей». «Большевистский съезд Советов, прокричав громогласное “ура” сепаратному миру и гражданской войне, собирается на покой, — говорилось в статье «Оппозиция его величества» из № 19 газеты. — Делегаты разъезжаются на места, чтобы нести туда весть о предании России на поток и разграбление германскому империализму и оккупационным войскам других соседей». Заявление же редакции о прекращении издания «Нашего единства» было опубликовано в № 22 газеты от 20 января. По поводу всего написанного в «Единстве» и «Нашем единстве» начиная с марта 1917 г. в этом заявлении говорилось: «Мы оказались в такой степени правы, что нам не приходится брать обратно ни одной фразы, ни одного слова из всего сказанного нами»⁴⁴.

Характеризуя причины смерти «Нашего единства», Р. Плеханова писала, что газета «не выдержала борьбы, попав в тиски новейшего железного порядка». Поясняя свою мысль, она так описывала её недолгое существование при большевиках: «Небольшие средства газеты взяты были властями под учёт и с трудом получались из банка, и часто трудно было удовлетворить требования рабочих следуемых им за труды денег. От времени до времени красноармейцы достаивали типографию... личным посещением и разбрасывали шрифт... Словом, газета умерла от истощения незадолго до смерти её главного редактора... “Единство”, — подво-

дила общий итог деятельности газеты Розалия Марковна, — было факелом, указывавшим верный путь к спасению, и колоколом, бившим в набат при малейшей опасности»⁴⁵.

Однако нет худа без добра. После кончины «Нашего единства» было наконец-то достигнуто давно ожидавшееся объединение интернационалистско-оборонческих сил в рамках издания в Петрограде газеты «Начало». Помимо потресовцев Г. Батурского (Цейтлина), А. Дюбуа и П. Колокольникова, в редакцию нового издания были включены «единцы» Г. Плеханов, Л. Аксельрод и К. Фельдман. К сожалению, Георгий Валентинович писать для этой газеты уже ничего не мог. Но он, по мере возможности, благодаря усилиям своих петроградских почитателей супругов Касък, навещавших Плехановых в Питкеярви, следил за деятельностью «Начала», был доволен появлением этой газеты, считал, что там имеются хорошие статьи, выделяя при этом понравившиеся ему публикации Л. Аксельрод и В. Засулич⁴⁶.

След за возвращением Москве статуса столицы государства в Белокаменную переместился и центр деятельности группы «Единство». Там функционировал её Московский комитет и 6 райкомов. Весной 1918 г. предполагалось созвать конференцию организации и развить издательскую деятельность. Однако враг не дремал — большевистские власти зорко следили за деятельностью своих идейно-политических противников, оперативно реагируя на их антиправительственные выступления. Так, еженедельник «Единство», начавший выходить 1 мая, под градом репрессий быстро прекратил своё существование⁴⁷.

В начале 1918 г. из Вологды, куда он в своё время был направлен ЦК «Единства» проводить избирательную кампанию в Учредительное собрание, для ведения борьбы с большевиками переехал в Москву Г. Алексинский. Уже 27 апреля на митинге в Большом зале Дворянского собрания за характеристику Брестского мира как «позорного», он был арестован чекистами и посажен в «одиночку» Таганской тюрьмы. В январе 1919 г. в связи с заболеванием тифом Алексинский был выпущен на поруки, после чего некоторое время работал в отделе информации Центрального совета профсоюзов и в Главархиве. Весной этого года Михаил Калинин предлагал ему работу в советском правительстве, но Григорий Алексеевич отказался. В мае 1919 г. Алексинский переехал в Петроград и вместе с семьёй, через Эстонию и Данию, бежал в Париж⁴⁸.

И, наконец, 23—27 августа 1918 г. в Москве состоялось совещание группы «Единство», где было принято несколько важных резолюций. Львиная доля внимания в резолюции «По общей политике» была уделена Брест-Литовскому мирному договору. В ней отмечалось, что выход России из коалиции стран, боровшихся с Германией, значительно повысил шансы последней на победу в войне, которая явилась бы торжеством хищнического империализма и мировой реакции. Брестский мир и после-

довавшие за ним события, подчёркивалось в резолюции, фактически превратили Россию в немецкую колонию, между тем как в восстановлении её независимости и государственного единства заинтересованы не только широкие трудовые массы в России, но и вся международная демократия. «Успеху этого дела препятствует политика нынешней власти, под флагом нейтралитета содействующая осуществлению хищнических планов германского империализма, — говорилось далее в документе. — С другой стороны, отказ союзников признать Брестский мир и непрекращающаяся война их с германцами создают объективные условия, способствующие возрождению и освобождению нашей родины. Во имя этой великой цели российские социалисты... обязаны бороться за уничтожение Брест-Литовского договора и за возобновление тесного союза с западными демократиями». Считаясь, однако, с тем, что эта борьба будет чрезвычайно затруднена «инертностью населения, его политической пассивностью и малосознательностью», организация «Единство» ставила одной из первых и главных своих задач пропагандистскую и агитационную деятельность среди рабочих и трудовых масс, а именно: разъяснение им всей пагубности для России победы германского империализма, обнаружение той роли, которую в успехах этого империализма и в общероссийском развале сыграло большевистское правительство, а также пробуждение среди масс симпатии к странам Антанты. Для дела возрождения России «единцами» не отрицалась даже возможность и необходимость «использования внешних сил». При этом, конечно же, из числа возможных вариантов использования таких сил безусловно исключалась Германия. «Злоба и ненависть, возбуждаемые нынешней властью в широких слоях населения, — говорилось по данному поводу в резолюции, — вызывает среди них желание избавиться от неё каким бы то ни было путём, не исключая германской ориентации. Организация «Единство» со всей настойчивостью высказывается против всяких действий в духе этой ориентации, а тем более против компромиссов с германским завоевателем, попирающим русскую землю»⁴⁹.

После этого терпению большевистских властей пришёл конец. Осенью 1918 г., ненадолго пережив своего основателя и лидера, под градом правительственных репрессий организация «Единство» прекратила своё существование. Не спасло группу и то, что Г. Плеханов был внесён в список «великих людей», которым Совет народных комиссаров собирался поставить памятники⁵⁰. Кое-где в провинции, время от времени, в течение ещё нескольких лет имели место отдельные выступления плехановцев, но вскоре и они прекратились. В результате группа «Единство», как организация, окончательно сошла со сцены к концу Гражданской войны⁵¹. Жившая, главным образом, личным влиянием своего руководителя, после его смерти она фактически обречена была на медленное умирание, что с неизбежностью и произошло.

- ¹ Валентинов Н. В. Указ. соч. С. 189.
- ² Плеханов Г. В. О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает подчас интересен // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 5. С. 140—142.
- ³ Там же. С. 141. В последней в своей жизни статье «Буки Азь-Ба» из №№ 14 и 16 «Нашего единства» от 11 и 13 января 1918 г. Плеханов писал: «Научный социализм... не знает ничего абсолютного, ничего безусловного, кроме беспристрастной смерти или вечного возрождения. Он стройно и последовательно развивает то положение, что всё зависит от обстоятельств времени и места» (Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 2. С. 267).
- ⁴ Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 1. С. 33.
- ⁵ См.: Там же. Т. 2. С. 40—41.
- ⁶ Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 797.
- ⁷ Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 2. С. 19.
- ⁸ См.: Там же. С. 18. Ленин называл это обвинение клеветническим, противоречившим общеизвестным фактам и опубликованным документам (см., напр.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 42).
- ⁹ Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 2. С. 27.
- ¹⁰ См.: Там же. С. 19, 23—24.
- ¹¹ См.: Валентинов Н. В. Указ. соч. С. 190.
- ¹² Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. 2. С. 30—34.
- ¹³ См.: Валентинов Н. В. Указ. соч. С. 190.
- ¹⁴ Цит. по: Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста. С. 341.
- ¹⁵ Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 798.
- ¹⁶ Алексинский Г. Война и революция. С. 38—39.
- ¹⁷ См.: Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993. С. 220.
- ¹⁸ Цит. по: Суханов Н. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 342.
- ¹⁹ См.: Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. М., 1989. С. 41.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ См.: Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год: В 3 т. Т. 3. Кн. 3—4. М., 1994. С. 642.
- ²² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 416.
- ²³ Рабинович А. Указ. соч. С. 44.
- ²⁴ Цит. по: Рабинович А. Указ. соч. С. 45—46.
- ²⁵ См.: Алексинская Т. Указ. соч. Кн. 90. С. 143.
- ²⁶ Алексинский Г. Кто виноват? С. 2.
- ²⁷ См.: Алексинская Т. Указ. соч. Кн. 90. С. 143—144.
- ²⁸ Письмо Л. Б. Каменева Н. С. Чхендзе (7 июля 1917 г.) // Вопросы истории КПСС. 1990. № 5. С. 46.
- ²⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 418; Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 2. С. 31; «Письма мои к тебе, конечно, исторические». А. В. Луначарский — жене (март—декабрь 1917 г.) // Вопросы истории КПСС. 1991. № 2. С. 36; Бухарин Н. И. Ещё раз о тов. Ленине // Возвращённая публицистика. Кн. 1. С. 110; Шляпников А. Г. Указ. соч. Т. 3. Кн. 3—4. С. 639; Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 214 и мн. др.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. ПРИЧИНЫ ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ФИАСКО В РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Умер Г. В. Плеханов 30 мая 1918 г. Умер на чужбине, переживая глубочайшую трагедию идейного одиночества в один из критических моментов развития революции, подготовке которой он отдал всю свою сознательную жизнь. Сверхившись без его непосредственного участия, революция пошла совсем не теми путями, которые были предначертаны ей Плехановым за десятилетия идейной борьбы. «Сорок лет я отдал этой пропаганде (научного социализма. — Э. К.), — говорил он, — но я вижу, что ни пролетарская масса, ни значительная часть интеллигенции не поняли ни моих идей, ни идей... Маркса и Энгельса»¹.

Это было страшной трагедией человека, усилия всей жизни которого не принесли желаемого результата. Временами отчаяние Плеханова становилось столь велико, что он высказывал крайне угнетавшие его мысли — не рано ли началась в отсталой, полуазиатской России проповедь научного социализма?² «В непогоду войны и революции Плеханов говорил... о защите страны от врага, угрожающего её независимости. Он говорил то, что было естественным резюме его жизни, итогом, кульминационной точкой всей его деятельности. Никогда Плеханов не был так велик, никогда Плеханов не доказал в такой степени своего политического ясновидения, как в эти страшные, ответственные дни, — писал А. Потресов в № 12 «Былого» (июнь 1918 г.) — ...И никогда не был он таким одиноким, непризнанным, отвергнутым теми людьми, которые в течение долгих... десятилетий шли за ним, как за своим вождём и учителем... Именно в эти дни войны и революции, казалось бы, Плеханов должен был бы собрать жатву всей своей жизни — оценку со стороны нации и прежде всего любовь со стороны того самого рабочего класса, которому он, как никто, указал его историческое место в процессе освобождения России от гнёта царизма. И, однако, вместо триумфа — положение изгоя, зачумлённого, ненавидимого даже своими вчерашними единомышленниками...»³

Возникает вопрос — по каким причинам это произошло? Конечно, определённую роль здесь сыграла 37-летняя эмиграция Плеханова, после которой ему трудно было рассчитывать на завоевание серьёзного успеха среди соотечественников вообще и деятелей революционных партий, в частности. Одни из них успели основательно подзабыть вклад отца русского марксизма в развитие социалистического движения как на Родине, так и в международном масштабе. Другие полагали, что эпоха Плеханова стала достоянием прошлого и его звезда на политическом небосклоне безвозвратно погасла. Третьи же считали неприемлемым и совершенно необязательным для себя прислушиваться к советам и использовать в своей практической деятельности теоретические конструкции вождя

- ³⁰ См., напр.: Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста. С. 340.
³¹ См.: Отечественная история. 1995. № 5. С. 157—160.
³² См., напр.: Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста. С. 340.
³³ Цит. по: Неизвестный Богданов: В 3 кн. Кн. 2: А. А. Богданов и группа РСДРП «Вперёд» (1908—1914). М., 1995. С. 237, 260.
³⁴ См.: Плеханов Г. В. Открытое письмо к петроградским рабочим // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 5. С. 149—150.
³⁵ Там же.
³⁶ Там же.
³⁷ См.: Год на Родине. Из воспоминаний Розалии Плехановой // Диалог. 1991. № 12. С. 85.
³⁸ Там же. № 13. С. 99.
³⁹ Цит. по: Дейч Л. Г. Указ. соч. С. 65.
⁴⁰ Цит. по: Год на Родине. Из воспоминаний Розалии Плехановой // Диалог. 1991. № 13. С. 99.
⁴¹ См.: Там же. С. 100.
⁴² «Мне не раз приходилось слышать Плеханова...» Из воспоминаний В. О. Левицкого. Публ. подг. М. В. Пронина // Исторический архив. 1998. № 2. С. 38—39.
⁴³ Год на Родине. Из воспоминаний Розалии Плехановой // Диалог. 1991. № 12. С. 79.
⁴⁴ Меньшевики в большевистской России. 1918—1924. / Меньшевики в 1918 году. М., 1999. С. 758—760.
⁴⁵ Год на Родине. Из воспоминаний Розалии Плехановой // Диалог. 1991. № 13. С. 101.
⁴⁶ См.: Там же. С. 101—102; Меньшевики в 1918 году. С. 143.
⁴⁷ См.: Далин Д. Указ. соч. С. 150.
⁴⁸ См.: Алексинская Т. Указ. соч. Кн. 91. С. 189, 202; Г. А. Т. И. Алексинская // Новый журнал. Нью-Йорк, 1969. Кн. 94. С. 272—273; Морозова А. Алексинский // Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. С. 29.
⁴⁹ Меньшевики в 1918 году. С. 762—763.
⁵⁰ См.: Павлов Д. Б. Большевистская диктатура против социалистов и анархистов. 1917 — середина 1950-х годов. М., 1999. С. 33—34.
⁵¹ См.: Далин Д. Указ. соч. С. 150.